

Евтушенко Е. А.

1407.03

КУЛЬТУРА: Книжки в отличие от писателей не кусаются

КУМИРЫ

Исповедь — это риск

Век. Москва. 2003. 14 июля. - с. 5

Виктор ГАЛАНТЕР

Я и то вас люблю

— Вы делите свою славу на периоды по степени интенсивности?

— У меня нет времени особенно часто задумываться о собственной славе. Я работаю. Можно сказать, делаю работу целого института: три огромных тома «Десять веков русской поэзии».

— А вам приходится задумываться над таким сакраментальным вопросом: мое место в поэзии там-то и там-то?

— Время все расставит по местам. Я знаю, что я нужен, что меня ждут люди. Мне грех обижаться или жаловаться. Клевета и сплетни, которые я получал, — мелочи по сравнению с той любовью, которая выпала на мою долю. Знаете, как непросто было, например, провести мой вечер в Кремле? За мной нет спонсоров-капиталистов, как раньше не было номенклатуры. Мне помогли переполнившие зал шесть с половиной тысяч небогатых, но все-таки купивших билеты, знаменитых читателей моих стихов: но зато они знамениты в моей душе. Они — мои тайные соавторы.

— Кстати, о номенклатуре. «Они» не пробовали договориться с вами «по-хорошему»?

— Пробовали. Когда политуправление армии запретило к исполнению мою песню «Хотят ли русские войны?» как якобы «морально демобилизующую нашу армию» — не самый худший человек, член Политбюро Екатерина Алексеевна Фурцева позвонила в Радиокomitee и приказала: «Ставьте! Евтушенко не уйдет от меня, пока не услышит песню в эфире». В ней оставалось что-то от отчаянной рабочей девчонки с Трехгорки. Но как человек своего клана однажды она мне сказала: «Женя, я вас не понимаю. Все вас знают, любят. Я и то вас люблю. Но почему вы все время чем-то недовольны? Некоторые даже считают вас несостоятельным человеком». Я помню, что я тогда ответил: «Стихи я пишу либо от любви, либо от стыда».

— В ваших стихах, Евгений Александрович, присутствует определенный учительский пафос...

— (Холодно) Ну и что?

— Не ищите в моих словах иронии. Вы, видимо, думали, что можете изменить человека в лучшую сторону?

— Это и случилось. Я только что приехал из Одессы — был в реабилитационном центре, где занимаются «безнадежными» случаями детского церебрального паралича. Врачи там добиваются феноменальных результатов. И вот они наградили меня знаком «Ангел милосердия» под номером 11. Я знал, что этот знак — очень симпатичная скульптура — дается только тем людям, которые внесли самый существенный вклад в строительство центра, его финансирование... «А мне-то за что?» — интересуюсь. «У вас есть время, Евгений Александрович?» — спрашивает один из врачей. «Я вообще никуда не спешу», — отвечаю. И он начал читать мои стихи, в том числе и те, которые я сам забывает. Читает час, другой... «И что это объясняет?» — спрашиваю. И тогда он говорит: «Вы построили нас, а мы построили этот центр».

Мое сердце — моя часовня

— Такой не очень юбилейный вопрос. Испытываете ли вы чувство вины перед кем-либо или чем-либо?

— Что за человек без чувства вины? Еще Достоевский говорил: «Все виноваты во всем». О женщинах я когда-то написал так: «Любая женщина вина, дар без возможности отдарка». Не случайно о женщинах говорят: женщина отдается мужчине. Не только физически, но и психологически — без остатка. А мужчина? «Неплохо было бы отплатить вон той длинноногой!» Это цинизм, если не сказать больше! Поэтому даже самому замечательному мужчине тяжело соответствовать уровню любви женщины.

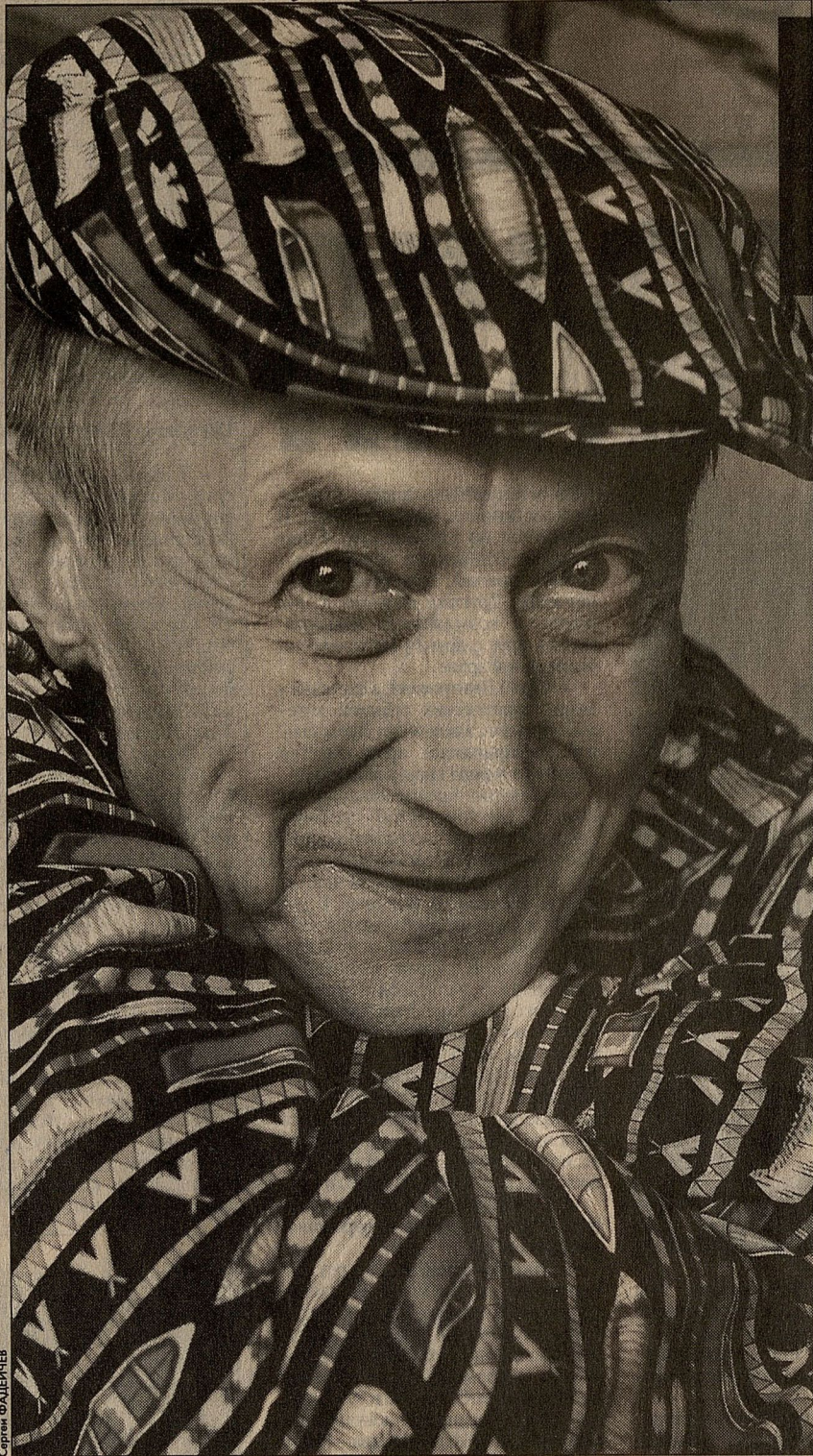
Вина есть всегда — перед женщиной, перед близкими, перед недолуманной строчкой... Однажды мы были с сыном в Сикстинской капелле, и он спросил меня: папа, а что это там за люди спихивают друг друга дядя, которые лезут наверх из пламени? Я отвечаю: это грешники из ада рвутся. А ты, папа, где будешь — в раю или в аду? Я крепко задумался: в аду — вряд ли, отвечаю, в раю — тоже. Грехи небольшие, но имеются все-таки. Он спрашивает: папа, а что, если кто-то сложит твои маленькие грехи, что тогда? И на этот вопрос я не нашел ответа.

— Вообще, в церковь заходите?

— Захожу. Редко. Есть хорошее английское выражение «май соул — май чапэл»: мое сердце — моя часовня. Недавно зашел в переделькинскую церковь: перед «Троицей» весь пол был покрыт свежескошенным сеном — я никогда такого не видел! А запах сена у меня с подросткового возраста ассоциируется с первыми поцелуями где-нибудь в стогу. Это было замечательно! Я однажды даже шутило симпровизировал: «Как я хочу, чтобы в стогу/ меня хотя бы раз, но обняли и поцеловали».

— «Женщина поэты любви». Вы удовлетворены степенью женского внимания к вам?

— Женщины тоньше понимают стихи. Еще Пастернак говорил: у настоящих мужчин есть что-то от материнской нежности. Меня никогда не предавали женщины. (Я не имею в виду мецанский смысл этого слова.) Отдалялись

Сергей ФАДЕЕВ

— но не предавали. Не было такого случая! А мужчины — да.

— Чтобы понравиться женщине, бывает, что вы читаете ей свои стихи?

— Видите ли, в чем дело: это палка о двух концах. Лет в пятнадцать я был влюблен в одну приезжую артистку, которая пыталась поступить в московский театр. Она очень любила слушать мои стихи. Когда я читал, она вся... воспаряла. И меня это начало обижать: мол, не я ей нравлюсь, а мои стихи. Тогда я написал такое стихотворение: «Я не хочу, чтобы так было: чтобы ты не меня любила, а только мои стихи, и порой мне хочется в горе/показать все песни свои, и бросить стихи эти в море, как ключи от твоей любви».

И тогда она сказала мне в ответ абсолютной правильности вещей: «Женя, я не понимаю, а разве твои стихи — это не ты сам?»

В этом специфика поэзии: больше всего любят тех поэтов, которые идут на риск исповеди. В этом смысле феноменален Есенин, больше, чем поэт — орган природы. Луконин когда-то сказал: «У поэтов сердца должны прорисовываться под пиджаками». Это точно. Почему автор дивной поэмы о Теркинне — Твардовского стали меньше читать? Потому что мы совсем ничего не знаем о его интимной жизни: у него нет ни одного стихотворения о любви!

С любимыми не расставайтесь

— Были ситуации, которые, что называется, перевернули вашу жизнь?

— Каждая любовь превращивала жизнь. Ведь это тяжелая, кровавая вещь... С Беллой мы мало прожили — были еще очень молоды. А с Галей я прожил довольно много, развод с ней я переживал тя-

гостно... Чужие любви и дружбы разрушают те, кто не умеет любить и дружить сам.

— Вы хотите сказать, что ваши браки разрушали третьи лица?

— Всегда есть эти самые третьи лица, посягающие на чужое счастье. Они ка-

Это недавно написанное и еще нигде не опубликованное стихотворение Евгений Евтушенко дарит читателям «Вечерней Москвы»:

ОБНИМАЮ ДЕРЕВЬЯ

Я не пенкосниматель.
Я с детства — смешиной обниматель:
обнимал я и маму, и бабушек —
Троицу-Богоматерь,
Обнимал своих дедушек в 37-м при аресте,
когда их увозили
с моими слезами на лацканах вместе.
Обнимал я отца,
от которого пахло духами не машинными,
и наследство его приумножил
грехами немаленькими.
Но когда обнимал я женщину,
снова краснею,
ибо, как в первый раз,
я не знаю, что делать мне с нею.
Я себе напридумывал много дурацких занятий.
Ужены тоже заняты руки.
Ей не до объятий.
Но недавно,
разваданный вдрыв сам собою в запарке
еле плелся я в парке,
не в силах бежать, как верблюд в зоопарке.
И какое-то нечисто
толкнуло меня к вековечному дубу,
и ему я по-детски шепнул
что-то вроде: «Я больше не буду...
Мое сердце ослабло на треть,
но оно ведь еще не пустое.
Не позволяй мне пока умереть...
Я еще умереть недостойн!»
И я, майку задрал,
сердцем вжался в извилины мудрой коры
и в царапающую шероховатость,
и морщины,
могуче добры,
внутрь вобрал мою виноватость.
Мне вошло что-то внутрь,
и мгновенно исчезла обидка.
Стал я —
собственный внук.
Стал —
обнявшийся с жизнью мальчишка.
Я навек обниматель опять!
Мне,
избалованному от старенья,
есть всегда, что обнять.
Ну, хотя бы деревья!
Я к любви продрался, как будто в тумане,
сквозь непонимание,
сквозь обман на обмане,
бездобры и безобниматель.
Обнимаю деревья,
как всех неразлюбленных мною любимых.
Обнимаю деревья,
как будто друзей моих невозвратимых.
Обнимаю деревья,
как будто врачей, принимавших детей моих роды,
а теперь принимающих новые роды меня!
Обнимаю все в мире народы!
Обнимаю сибирские сосны,
платаны,
секвойи и баобабы.
Ты с другой стороны обнимать их, наверно, смогла бы,
а в этом — такая свобода! —
чтобы знать мы не знали,
где мы, где — природа.

Евгений ЕВТУШЕНКО: Стихи я пишу либо от любви, либо от стыда

Когда он шел по вечеркинскому коридору, высокий, как стрела, в лихо надвинутой кепке, сумка через плечо, редакционные женщины говорили ему «здрасьте» и оглядывались вслед. Не то чтобы они были знакомы с человеком-легендой, но и быть «незнакомой с Евтушенко» тоже, согласитесь, было бы глупо. Одна из этих женщин потом сказала мне с особенной женской шелестящей интонацией: «Он все такой же... Тридцать лет назад мой будущий муж взял меня его стихами». Так и сказала: взял. На этой неделе ему исполнится... а сколько — он об этом не любит говорить и предпочитает ставить на афишах «Юбилейный вечер в честь ...-летия».

Наши книги — рядом

— Вы сожалеете об утраченных дружбах?

— Если я каких-то друзей и потерял, то я все равно с ними дружу. Никогда не смогу воскреснуть моя дружба с Вознесенским после того, что он позволил себе говорить обо мне в последние годы по совершенно неизвестным мне причинам. Но каковы бы ни были наши взаимоотношения, наши книжки будут стоять на полке рядом. Книжки в отличие от писателей не кусаются. Кстати, совсем недавно я прочел новое, очень сильное и пронзительное — после многих его неудач — стихотворение Вознесенского: то, где он просит у Бога хотя бы десять лет. Мощные трагические стихи! А что до «писательских подкусываний», то малоприятно, что многих людей интересует именно это.

— А это потому что есть люди маленькие — их много, и люди большие, знаменитые, как вы с Вознесенским, — их мало. И маленькие интересуются перипетиями жизни больших.

— Когда Иван Иванович Иванов, сторож зоосада, напьется и будет лежать в луже, люди будут переступать через этого Ивана Иванова и никому не будет до него дела. А если Евтушенко выпьет бокал вина...

— Вот я о чем и говорю. Кстати, следующий вопрос. Считается, что непьющий писатель — все равно что эстетствующий тракторист. «Проблема алкоголя» когда-либо в вашей жизни принимала обостренные очертания?

— Когда я был молод, то старался казаться старше. А тогда пили водку, вино почти не пили. Я начал печататься, когда мне было пятнадцать лет, за первое стихотворение, опубликованное в «Советском спорте», я получил 350 рублей. А бутылка шампанского в ресторане тогда стоила 12 рублей. В те времена на стихи можно было жить! И я старался молодецествовать, мог выпить очень много. А потом заметил, водка убивает память. И просто перестал ее пить. К тому же нашлись люди, которые открыли мне сухое вино. Тогда было божественное грузинское вино!

— А так, чтобы от печали напиваться?

— После того как в начале 60-х я написал совершенно невинную реалистическую «Автобиографию», меня назначили председателем Родины. Обо мне писали: это уже не хлестковщина — это ставхосщина! То есть сравнивали меня с председателем «Молодой гвардии». И вот тогда вдруг против меня выступил Юра Гагарин, с которым мы подружились на Кубе (я когда-нибудь опишу наши совместные кубинские приключения). Мол, молодой поэт Евтушенко в своей «Автобиографии» хвастается тем, что до сих пор не знает происхождения электричества! Потом он мне сам рассказывал, к нему подошел академик Капица и говорит: хочу вас поздравить с великим открытием, я сам всю жизнь пытаюсь разгадать природу происхождения электричества! Поделитесь с человечеством, если вам это удалось!

Так вот, Юра мне рассказал: ему просто дали в руки эту речь, он впервые заглянул в нее уже на трибуне... и увидел там мою фамилию. Ему было не по себе, потому что он нарушил принцип «не бей лежачего». И, понимая, что я в очень тяжелом положении, он пригласил меня в Звездный городок, чтобы я прочел отрывок из «Братской ГЭС». Я очень волновался, потому что мне запретили все выступления

— Молодые люди вас узнают на улице?

— Конечно. Я все-таки оказался прокомом в стихотворении «Памяти Окуджавы»: «В девяностых годах не верю, верю в девяностых годах своих». Они уже не читают... Виктора Ерофеева, как их предшественники, — они тоскуют по идеалу. Миша Залорнов (он был «соведущим» на моем вечере в Кремле) рассказал забавную историю. К нему после вечера подошла девчушка лет семнадцати — типа пэ-тэушница: «Ой, Михаил Николаевич, я пришла на концерт в Кремль ради вас, кто такой Евтушенко вообще не знала. Но он, оказывается, та-акой прикольный де! Я пошла на следующий день в магазин и купила его книжки: во дает!»

«Граждане, послушайте меня!» Большая аудитория Политехнического. 1960

Поклонники Евгения Евтушенко, новые и старые, могут встретиться с любимым поэтом в день его рождения, 18 июля, в Большой аудитории Политехнического музея. Смузеем у Евтушенко контракт до 2019 года: свои дни рождения он отмечает только здесь. По секрету: Е.А. будет не только читать (кстати, вместе с тремя своими сыновьями), но и петь. Ожидается сенсация: в дуэте с поэтом поет... Впрочем, увидите сами.